

Вячеслав Нарский

*Мы повзрослели
в первые дни войны*

*(записано со слов
Леонида Моисеевича Некрасовского)*

Я родился 8 сентября 1923 года в поселке Сосница Черниговской области на Украине. Когда мне исполнилось пять лет, мы переехали в другой район и жили в городе Борзне, где я окончил девять классов.

22 июня 1941 года около шести утра я услышал, как зашипело радио (у нас был картонный репродуктор). А потом объявили о нападении немецко-фашистских захватчиков. Конечно, все встревожились, поскольку никто не ожидал, что начнется война. Бывало, раньше пели песню с такими словами: «Если

завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов...»

А через несколько дней я увидел, как с Западной Украины и из Белоруссии двигались беженцы: старики, женщины с маленькими детьми. Они убегали от войны, и от них мы слышали, что немцы издеваются над мирными жителями, убивают, насилуют. И я тогда спросил отца: «Папа, а когда ты воевал в Гражданскую войну, в Империалистическую, немцы так же поступали?» На что отец ответил, что тогда немцы не убивали... В общем, вскоре мы сами узнали, что такое Великая Отечественная война.

Сразу же после начала войны мы, комсомольцы, организовали комсомольский батальон: патрулировали в городе, следили, чтобы ночью не зажигали свет, ловили дезертиров. Однажды фашисты разбомбили большую узловую станцию Бахмач, расположенную в двадцати пяти километрах от нас. Картина страшная: станция была неблизко, но все видели зарево от пожара.

Немцы продолжали наступать, надвигались на город, вот-вот могли его захватить, и тогда вышел указ о том, что все производственные предприятия, скот следует перегонять или уничтожать, но только не оставлять немцам.

Мой отец всю жизнь работал в колхозе, а летом в колхозе работал и я. Председатель вызвал отца и сказал: «Ты уезжай, пока есть возможность, ты же видишь, все бегут. Евреев убивают, насилюют». Отец говорит: «Ну что ж, я согласен. Только дай нам пару лошадей и повозку». И вот отец, мать, я, племянник и племянница шести и трех лет собрались уезжать. Нам дали сто пятьдесят коров, нескольких лошадей, чтобы мы могли ехать верхом и гнать скот, а также документы о том, что скот колхозный и что мы обязаны его сдать.

Примерно в то же время половина евреев сумели покинуть Борзну. Много позже я узнал, что в 1942 году около пятидесяти еврейских семей немцы собрали, посадили на повозки, вывезли за четыре километра от города, заставили копать траншею, а потом всех расстреляли. Сейчас на том месте обелиск. Конечно, горько и обидно, что так погибли молодые ребята.

Мы гнали стадо до Воронежской области. По дороге над нами кружили немецкие самолеты, но обошлось. В Воронежской области мы по акту сдали весь скот в районный исполком, хотя сами все это время ехали полураздетыми и полуголодными (с продуктами было плохо). Ни одной коровы зарезать мы не посмели: она ведь не наша, а государственная. Вот такая была честность!

Позже на станции Коротояк нас посадили в теплушки и отправили в Саратовскую область на станцию Алтата, в село Дергачи. По прибытии нас, эвакуированную молодежь, и местных молодых людей отправили строить оборонительные сооружения: окопы, блиндажи, траншеи, опорные пункты. Мы работали на пятом участке под начальством Урицкого. Было очень тяжело: летом еще ничего, но с началом холодов в октябре и ноябре стало трудно. Я был легко одет, работал в короткой кожаной курточке. С продуктами было плохо. Местные жители, в отличие от нас, имели продукты, поэтому я часто брался копать землю или выполнять за кого-то вторую норму, чтобы позже полученную пайку обменять у местных на продукты.

На этих работах мы пробыли примерно до января, а потом нас пешком по Волге отправили обратно. Зима 1942 года была ужасно холодной, и я в дороге обморозился настолько, что, когда пришел домой, мать меня не узнала. Ввиду такого состояния мне предоставили отсрочку от службы, и я остался дома. Потом нам помогли местные жители, и меня вылечили.

8 марта 1942 года отсрочка закончилась, меня призвали в армию и отправили учиться в Саратовское военное училище связи. Там мы про-

учились четырнадцать месяцев, и 1 мая 1943 года нас отправили на Брянский фронт.

В пути на станции Елец эшелон разбомбили, и погибли пятеро товарищей, с которыми я вместе учился, — погибли, даже не успев доехать до фронта. По прибытии на фронт я около месяца находился в резерве, а потом за нами стали приезжать так называемые «покупатели» и забирать в разные части. В резерве нас насчитывалось двадцать два человека, а в роте — восемьдесят шесть.

Сорок два человека из нашего выпуска, в том числе я, получили лейтенантские погоны, поскольку мы окончили училище, сдав все экзамены (а всего у нас было четырнадцать предметов) на «хорошо» и «отлично». Тем, кто сдал хуже и не имел классности радиотелеграфиста, присвоили звания младших лейтенантов.

Потом приехал «покупатель» и забрал меня в 18-й армейский запасной стрелковый полк 3-й армии знаменитого генерала Горбатова. С этим полком я прошел всю войну, начиная от Орла, участвовал в освобождении Белоруссии, штурме Кенигсберга и дошел до Берлина.

Бывало и сложно, и трудно, но мы знали, за что мы воюем и с кем воюем. Потом мы поняли, почему отступаем, почему на нас внезапно напали, узнали о том, что пакт о ненападении, существовавший между нашими странами, нарушили немцы.

Мы повзрослели буквально в первые дни войны, перестав быть теми мальчишками, какими были раньше. Еще накануне войны, в субботу, гуляя по улице, мы и не представляли, что такое может случиться. Из моего класса на фронт ушли семеро ребят. В живых остались лишь двое, включая меня.

В моей семье, кроме меня, было четверо старших братьев и младшая сестра. Двое братьев погибли, еще один брат, 1920 года рождения, умер. Он был студентом, а после войны работал во Владимире, строил окружную дорогу.

Родители вернулись домой из Саратовской области уже после освобождения Украины. А сейчас положение на Украине тяжелое. Теперь туда не попадешь, хотя с украинцами мы вместе воевали, жили и дружили. Мне до сих пор непонятно, что стало с этими людьми, почему они так резко изменились. Мы не знали тогда разницы национальностей. К примеру, в моем классе из двадцати восьми человек половину составляли еврейские ребята, но никто не делал между нами никакой разницы.

Мы были уверены, что враг будет разбит. Правда, в 1941-1942 годах воевать было трудно: маловато техники. Однако правительство сумело

организовать оборонную мощь, перевезти заводы на восток. Строили новые заводы, выпускали самолеты и танки, обеспечивая армию.

Мы знали, что, кроме нас, никто не защитит наших родителей, сестер, братьев. Воевали честно, добросовестно выполняя свои обязанности. Я не могу сказать, что бежал с автоматом в атаку, поскольку это не входило в мои задачи. На фронте я был командиром радиовзвода, обеспечивал связь. Позже создали учебный радиовзвод, где я в течение двух-трех месяцев обучал и готовил хороших радиотелеграфистов, которые работали только по азбуке Морзе, а не открытым текстом. И хотя задачу передо мной поставили сложную, я с ней справился и подготовил четыре выпуска первоклассных радистов и телеграфистов, которые в основном работали в штабе армии.

Когда я впервые попал в полк на Брянский фронт, меня вызвал командир полка и поручил быть офицером связи между полком и штабом армии фронта.

Боевое крещение я принял под Минском. Получилось так, что в боях за Белоруссию наши и немецкие части располагались «слоями»: немцы отступают, мы сзади, после нас еще немцы, а за ними снова наши. И наш дивизион попал в засаду. Меня вызвал командир полка полковник Дмитриев и приказал: «Бери свою свободную смену телефонистов и радистов и помоги освободить наш дивизион. Ближе у меня частей нет». И действительно, все батальоны находились на своих местах, отдаленно, а я, будучи при штабе полка, находился ближе всех к окруженному дивизиону. Я собрал своих ребят, парней и девушек, около двадцати человек, и отправился на поиски дивизиона.

Мы только отошли, как вижу: навстречу бежит полковник, летчик, от деревни Самохваловичи под Минском. Кричит: «Старшой, ты куда?» Я сказал, что иду выполнять задачу, которую поставил передо мной командир полка. Он мне: «У меня аэродром погибает, немцы наступают, аэродром уничтожат. Давай, помоги, некем мне оборонять». Я говорю: «Я не могу, я выполняю приказ своего командира». Он пистолет вынимает: «Да я тебя!..» Тем не менее я отказался выполнять его приказ. И вдруг на машине подъехал к нам мой командир, спросил, в чем дело. Я объяснил. Они с полковником отошли в сторону, о чем-то переговорили, а потом полковник Дмитриев вернулся и приказал мне выполнять поставленную им задачу, сказав при этом, что он найдет людей для защиты аэродрома. Я нашел наш дивизион. Пришлось пострелять, но дивизион мы из окружения выручили, и при этом своих потерь у меня не было.

Еще вспоминается операция по расширению Наревского плацдарма, когда всю 5-ю Орловскую дивизию заменили одним нашим батальоном

и моим учебным взводом. Когда бои закончились, пехота ушла, батальон поднялся и ушел, а мне нужно было смотать катушки связи, снять антенны. Это требовало времени, поэтому я со своим взводом отстал от нашей пехоты. Шли по лесу, как вдруг я услышал немецкие голоса. Ничего не видно, темно, но я слышу немецкие разговоры. Думаю: «Как так? Куда мы попали?» Снова прислушался — немцы. Что дальше? Приказал своим остановиться, не шевелиться, не шептать.

И вдруг услышал топот копыт и увидел, как на лошади подъезжает полковник из штаба дивизии. Спрашивает меня: «Старшой, ты в землянках проверил все?» Я ответил, что проверил, только в одной из них поднял какой-то пакет, но не рассматривал, просто взял с собой. Он: «Пакет? Где он?» Я достал, передал. Он меня поцеловал. Оказывается, он забыл этот пакет и возвращался за ним, когда наткнулся на нас. Этот полковник вывел меня из леса на дорогу, показал, куда идти, чтобы нагнать своих. Если бы не он, кто знает, что могло бы произойти? Вполне вероятно, мы могли бы угодить в немецкое логово.

Радовало, что подготовка к боям была очень серьезная, учеба продолжалась. В нашем полку было несколько батальонов: оздоровительный, танковый, минометный, учебный, пулеметный. Также были рота связи и учебный взвод, где мы готовили радистов. Мы шли сразу вместе со штабом армии.

В Белоруссии, конечно, видели разрушенные города. Например, Гомель, от которого практически ничего не осталось. В этом городе у меня жена похоронена, есть и родственники, и знакомые. Что и говорить, город, конечно, сейчас не узнать.

В Белоруссии также запомнилось освобождение Волковыска. Мою роту и взвод разместили в двухэтажном здании, где было написано: «Разминировано». Ночью вдруг раздался взрыв, и я со второго этажа провалился в подвал. Я не мог подняться, так как получил осколочные ранения в обе ноги и в висок. Я, конечно, отказался от госпитализации, меня прямо там перевязали. В эту ночь погибли пятеро моих ребят. И в этом же городе мы похоронили командующего 35-м корпусом генерала Жолудева.

Также в память врезалось, как в городе Мельзак (ныне Пененжно) погиб командующий фронтом Черняховский, самый молодой командующий. Они вместе с моим командующим армией ехали на двух «Виллисах», и случайный снаряд попал именно в машину Черняховского. Его похоронили на Украине.

Под Кенигсбергом запомнились очень тяжелые бои. Впечатления от сооружений, которые построили немцы, передать невозможно: по три

метра толщиной, бетон, деревянные и железобетонные настилы. Подробностей тех боев я уже, к сожалению, не вспомню, но помню огромную радость от победы.

Перед взятием Берлина я около полутора месяцев провел в госпитале: то ли простудился, то ли чем-то другим заболел. После излечения я вернулся в часть, располагавшуюся тогда в городе Ворондит под Берлином, и 9 мая в два часа ночи ко мне прибежал мой радиомастер и сообщил: «Товарищ старший лейтенант! Война кончилась!» Я ему: «Ты что? Бред, что ли, у тебя? Откуда ты знаешь?» Оказалось, он ремонтировал радиостанции и услышал, что 8-го числа выступал Жуков.

Я попросил у него радиостанцию, послушал, а потом пошел к командиру полка Дмитриеву. Постучал, вхожу, докладываю: «Товарищ полковник! Война закончилась!» Он мне: «Ты что, бредишь?» Я говорю: «Не брежу». Он спросил меня, откуда я узнал. Я объяснил. Мы принесли выносное устройство, он подключился, услышал. Тут мы на радостях обнялись, расцеловались, он достал бутылочку, выпили по пять граммов. Радости, конечно, не было предела.

Но хотя война и закончилась, продолжали гибнуть наши ребята: немцы и в подворотнях скрывались, и в закоулках прятались, в подвалах. Оттуда они стреляли и убивали наших ребят. Осторожность соблюдалась в Германии и в Польше: офицер не мог ходить в одиночку, только с охраной, поскольку часто устраивали покушения на офицеров.

Если говорить в общем, в армии кормили достаточно хорошо, но иногда случались перебои, из-за чего мы сутками не видели горячей пищи. Объяснялось это тем, что повара и тылы не успевали нас догонять, особенно когда с лета 1942 года по всем фронтам началось наступление. Но эта ситуация была временной. Как офицеру, мне выдавали дополнительный паек, куда входили сигареты или папиросы, масло и печенье. Я не курил, поэтому всегда свои папиросы на что-то менял.

Когда учился в училище, питались скудно, еды не хватало. Занимались мы по двенадцать часов, молодые, сильно хотелось есть. Некоторые курсанты были местными, и им из дома частенько приносили какие-то продукты. И в училище я свою махорку менял на второе или на масло, так и выкручивался.

В училище нас хорошо готовили. Я до сих пор помню азбуку Морзе, где все буквы передаются символами «точка» и «тире». Например, «А» — точка, тире, «Б» — тире и две точки, «С» — три точки, «Ш» — три тире. С ходу обозначения всех букв назвать сложно, но я уверен, что, если сейчас мне дадут текст, я смогу передать его азбукой Морзе.

По обмундированию каких-то норм выдачи не было. Если, например, обмундирование изнашивалось или порвалось, мы шли к начальнику вещевой службы. В нашем полку начальником вещевой службы был пожилой капитан Быстров. Подхожу, допустим, говорю: «Товарищ капитан, порвал одежду». Он выписывал накладную, по которой мне выдавалось обмундирование взамен порванного или изношенного.

По ленд-лизу мы получали английские шинели, брюки и гимнастерки. Союзники хорошо помогали, ничего не могу сказать: и машинами, и обмундированием, и питанием. Мы очень любили американскую тушенку.

С гигиеной обстояло нормально. У нас специально устраивались банно-прачечные палатки с душем и горячей водой. Душ принимали регулярно, иначе нас, конечно, задушили бы вши. Также предусматривались меры по обработке всего личного состава.

Кроме того, мы не все время находились на переднем крае. Например, участвует подразделение в бою, а после боя может быть двухдневная передышка. А потом тех, кто какое-то время воевал на передовой, отправляли на отдых, а им на замену присылали свежие силы.

Мы не победили бы, если бы у нас было неблагополучно с питанием и с обмундированием. Что греха таить, случались иногда какие-то неполадки, ведь накормить, напоить такую армию — дело непростое.

Очень хорошо работали партийная и комсомольская организации. Всегда перед боем устраивали собрание. А перед самым наступлением устанавливалась тишина: не разрешалось вслух передавать телеграммы, радиogramмы, разговаривать по телефону — можно было только слушать, а не звонить. Телефонист, к примеру, должен был держать трубку и только на голос отвечать.

Наша Красная армия выполнила свой долг перед Родиной, перед всем миром. Мы освободили всю Европу от черной чумы, немецко-фашистских бандитов, и дали миру мир. Немцы сами по себе люди как люди. Я после войны приезжал в Германию, встречался с немцами. Но фашисты...

Мы знали, что сдаваться нам нельзя. Что нами руководило? Прежде всего воспитание в духе трудолюбия, уважения друг к другу и к нашим учителям. Я хоть сейчас могу назвать всех своих учителей с первого по девятый класс. При этом я помню не только фамилию, имя и отчество каждого учителя, но и то, какие предметы они преподавали. Настолько мы уважали учителей.

Также нами двигали любовь к Родине, патриотизм и высокое сознание. Это и привело нас к тому, что мы одержали всемирно-историческую победу. Самое главное то, что мы выжили. Самое главное, что мы знали, что наше старшее поколение не зря учило и воспитывало нас. А сейчас

мы свой опыт передаем молодежи, для которой это очень важно.

После войны мы вернулись из Германии. Примерно в августе наш полк расформировали, и я попал в 471-й батальон связи 41-го корпуса. Этот батальон расформировали под Минском, в Борисполе. Два месяца мы пробывали в резерве, а потом приехали «покупатели» и разобрали нас по разным частям. Меня забрали в Брест, в 29-ю танковую дивизию, где я прослужил до 1948 года.

Осенью 1948 года приехали «покупатели» из Воздушно-десантных войск. Меня вызвали к начальству, и один полковник спросил: «В Воздушно-десантные войска поедешь? Там год службы за полтора и оклад больше». Я подумал и согласился. Так я попал в Полоцкую область, в Боровуху, в 103-ю воздушно-десантную дивизию командиром роты связи. Там я прослужил одиннадцать лет, до 1959 года. На одном из прыжков я получил серьезную травму, после чего меня признали негодным к прыжкам.

К 1959 году, когда шло сокращение вооруженных сил, я имел уже двадцать пять лет выслуги. К тому времени меня из Полоцка перевели в Витебск, у меня были жена, двое детей. Меня предупредили, что, вероятно, я попаду под сокращение. Я согласился: выслуга у меня достаточная, квартиры не было. Но все же, так как я был специалистом, связистом, меня не уволили, а перевели в Москву, в военно-строительные войска начальником штаба батальона, а потом командиром строительного отряда.

Меня перевели в Москву, а я стал добиваться перевода на Украину. До замминистра дошел, но все же добился своего. Говорил, что хочу служить на Украине, ведь я оттуда родом, там мои родители. Позже меня перевели в Львовскую область, а оттуда в 1962 году на Северный флот командиром отряда. Там я прослужил четыре года и снова вернулся в Москву, — хоть и не хотел, но вернулся.

В Москве я получил назначение в новый отряд, а также работал заместителем начальника специализированного управления. В 1971 году меня вызвали к начальству и сказали, что планируют отправить служить в Забайкалье заместителем командира отдельной дорожно-строительной бригады. Надо — значит, надо. Я поехал в Забайкалье и прослужил там до 1975 года. Получил звание полковника. Жена очень болела, поэтому я больше служить не захотел и не смог, а в 1977 году жена умерла.

Вот так я всю жизнь и прослужил. А после армии стал работать в ветеранской организации Южного округа города Москвы, где уже более двадцати лет занимаюсь воспитанием молодежи.